

гарского языка после XV в. рассматриваются им «вкратце, почти схематично» (стр. 105)], подчеркнем в заключение, что в целом статья Вл. Георгиева представляет смелую попытку прямой и острой постановки вопроса периодизации истории языка, что она имеет большой принципиальный интерес и для общего языкознания, и для истории болгарского языка. Разумеется, такой сложный и трудный вопрос не может быть разрешен в рамках одной статьи. Но будем надеяться, что рассматриваемая статья и не будет последней на эту тему, что она вызовет определенные отклики, возникнет полемика, в ходе которой многие положения будут существенно уточнены и развиты.

Ю. С. Маслов

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА АКАД. ВЛ. ГЕОРГИЕВА В БОЛГАРИИ *

Доклад акад. Вл. Георгиева «Опыт периодизации истории болгарского языка» был прочитан наряду с другими докладами на научной сессии Института болгарского языка Болгарской Академии наук и филологического факультета Софийского университета, посвященной проблеме «История языка в связи с историей народа» (2—4 декабря 1952 г.). Доклад по вопросу периодизации родного языка привлек особое внимание участников сессии и вызвал оживленное обсуждение. Во вступительной речи «Относительно предмета и задач языкознания вообще и болгарского языкознания в частности» президент Болгарской Академии наук акад. Т. Павлов отметил, что, судя по тезисам доклада Вл. Георгиева, специфика развития болгарского языка состоит прежде всего в закономерности перехода его от синтетизма к аналитизму, названной Георгиевым основным внутренним законом развития болгарского языка. Действительно, эта закономерность характерна для болгарского языка. Однако известно также, что и многие другие языки развивались от синтетизма к аналитизму. Поэтому акад. Т. Павлов высказал сомнение в том, что указанное явление может быть определено как основная черта, как специфический внутренний закон развития болгарского языка. Кроме того, имеется множество синтетических языков, не проявляющих тенденцию к превращению в аналитические. Если бы языковеды рассматривали синтетизм таких языков как основной специфический закон их развития, то было бы неясно, каковы те признаки, по которым эти самобытные языки отличаются друг от друга.

Резюмируя свои соображения, акад. Т. Павлов указал, что формулировка основного закона развития болгарского языка, выдвинутая Вл. Георгиевым, хотя бесспорно и заключает в себе рациональное зерно, но нуждается в дополнительном конкретном разъяснении и обосновании. Приветствуя инициативу института, включившего в повестку сессии вопрос о периодизации истории болгарского языка, президент выразил свое согласие с основным положением докладчика о том, что периодизация истории языка не должна грешить механицизмом — этим основным пороком прежней периодизации, которая не учитывала специфики развития болгарского языка.

На докладе Вл. Георгиева останавливались также многие из выступавших в прениях. Проф. К. Мирчев в своем большом выступлении подчеркнул, что в докладе Вл. Георгиева поставлены наиболее важные вопросы истории болгарского языка. В противоположность проф. С. Б. Бернштейну, который в своей статье¹ не касается качественных изменений в развитии болгарского языка, Вл. Георгиев, по мнению К. Мирчева, стремится установить тот период в его развитии, когда накопленные элементы нового, аналитического качества получают перевес над элементами старого, синтетического качества. Приурочивая этот процесс к XV в., Вл. Георгиев тем самым относит так называемый среднеболгарский период к древнеболгарскому. Отрицание же качественных изменений в развитии болгарского языка с IX в. основано на предположении, что старославянский язык Кирилла и Мефодия не является болгарским языком. Именно в этом — пока не доказанном — предположении и в переоценке фракийско-иллирийского влияния на язык болгарских славян и состоит, по мнению К. Мирчева, самые существенные ошибки статьи С. Б. Бернштейна². К. Мирчев присоединяется

* От редакции. Редакция считает целесообразным сопроводить рецензию Ю. С. Маслова кратким изложением тех откликов, которые вызвала в Болгарии попытка Вл. Георгиева дать новую периодизацию истории болгарского языка. См. «Известия на Института за български език», кн. II София, 1952, где помещены материалы обсуждения.

¹ См. С. Б. Бернштейн, К вопросу о периодизации истории болгарского языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1950, вып. 2, стр. 108—118.

² Ср. сходные замечания по этим вопросам в рецензии К. Горалек: *Sovětská práce o periodisaci dějin bulharštiny*, «Slavia», R. XXI, seš. 1, 1952, стр. 50—62.

к скептическому взгляду Вл. Георгиева на роль фракийского субстрата и положительно оценивает его стремление объяснить развитие аналитизма в болгарском языке взаимодействием с латинским и средневековым греческим языками.

К. Мирчев отметил и то препятствие, которое затрудняло сторонников прежней классификации и которое серьезно снижает ценность работы Вл. Георгиева. Это — слабая изученность среднеболгарского периода, в чем К. Мирчев видит непростительное отставание болгарского языкознания.

Оценивая деление истории языка на подпериоды, предложенное Вл. Георгиевым, К. Мирчев указывает, что оно создает впечатление механической связи факторов истории народа с особенностями языка. Понутно он отмечает, что язык аспаруховых болгар-тюрков, по его мнению, не оказал почти никакого влияния на развитие болгарского языка; то же самое относится к последующим тюркским влияниям вплоть до XIV в., кроме османского.

К. Мирчев подчеркивает, что старославянский язык — важный этап в развитии болгарского языка, и полагает, что структура старославянского языка второй половины IX в. идеально отражает народный болгарский диалект. Через три столетия после появления славян на Балканском полуострове, после скрещивания с грецизированным и романизированным населением язык солунских болгар остается во многом близким к общеславянскому языку-основе. По мнению К. Мирчева, это — наиболее яркое доказательство несостоятельности теории о фракийско-иллирийском субстрате и серьезная помеха для тех ученых, которые видят в развитии болгарского языка лишь чуждые влияния; С. Б. Бернштейн, отвергая тождество старославянского языка с древнеболгарским, слишком легко уstraивает указанные факты. К. Мирчев считает, что нет никаких серьезных оснований утверждать, как это делает Вл. Георгиев, будто солунский диалект по отношению к диалектам Северной Болгарии является архаическим и нетипичным для той эпохи. Приведенный же Вл. Георгиевым аргумент, что северо-восточные болгарские диалекты продвинулись в своем развитии под влиянием языка аспаруховых тюрков, К. Мирчев опровергает указанием на то, что и солунский диалект находился в подобном же положении, так как имеются свидетельства о двуязычии солунян — греков и славян.

По мнению К. Мирчева, Вл. Георгиев не прав, полагая, что условия для появления аналитизма в болгарском языке имелись еще в VI—VIII вв. Старославянский язык как раз свидетельствует об обратном. В развитии аналитизма, в период после IX в., по мнению К. Мирчева, играли роль и фонетические изменения, приводившие к нивелировке падежных флексий, к падежной омонимии в некоторых типах склонения. К. Мирчев полагает, что если бы не было дополнительного влияния «среды», вызвавшего развитие полного аналитизма в именах (с IX до XV в.), то в болгарском именном склонении сохранилось бы положение, аналогичное тому, которое существует в именном склонении современного чешского языка.

И. Заимов отметил, что имеющиеся источники, к сожалению, не дают ясного представления о состоянии болгарского языка в самые важные и интересные периоды его истории. Все имеющиеся памятники — церковного происхождения и в большинстве случаев не отражают разговорной речи. По мнению И. Заимова, имеющаяся история и периодизация болгарского языка — это история и периодизация не болгарского народного языка, а его письменных памятников, которые всегда более или менее удалены от живого языка народа. И. Заимов полагает, что начало аналитизма следует относить ко времени прихода славян на Балканы — к VI в.

В своем выступлении И. Дуриданов сказал, что в докладе Вл. Георгиева дана лишь общая трактовка процесса развития болгарского языка. В дальнейшем необходима конкретная исследовательская работа по установлению момента начала действия внутренних законов развития языка, по определению этапов их действия, охвата ими языкового материала; важно также изучить процесс прекращения или ограничения их действия. В докладе из-за отсутствия материала не разграничены первый и второй подпериоды. С известными трудностями связано деление на третий и четвертый подпериоды. Заслуга докладчика, по мнению И. Дуриданова, в том, что он впервые убедительно проследил основные линии развития болгарского языка в неразрывной связи с формированием и развитием болгарского народа, в связи с основными событиями его истории, его взаимоотношениями с другими балканскими народами.

С. Стоянов напомнил, что Вл. Георгиевым впервые был поднят вопрос о том, что самая характерная тенденция в развитии болгарского языка обусловлена особыми историческими условиями, в которых жил болгарский народ, и, в частности, почти непрерывным взаимодействием болгарских славян с иноязычными народами. Между тем крупнейшие историки болгарского языка — Милетич, Цонев и Младенов — изучали историю языка в отрыве от истории болгарского народа. Что касается предлагаемой Вл. Георгиевым периодизации истории болгарского языка, то, по мнению С. Стоянова, не все выводы и формулировки, содержащиеся в докладе, являются убедительными и приемлемыми. Он считает, что не следует преувеличивать практическую ценность подобной периодизации, не следует думать, что решение этой проблемы будет способ-

ствовать правильному освещению развития болгарского языка. Более важно в современных условиях глубокое и всестороннее изучение истории языка. Ближайшей и самой неотложной задачей историков болгарского языка является изучение памятников письменности XIII—XV вв., которых насчитывается до 370. С. Стоянов находит, что критерии периодизации истории языка, выдвигаемые в докладе, слишком сбивчивы. С одной стороны, Вл. Георгиев указывает на появление нового «качества» в развитии языка, с другой, — на результаты действия основного закона развития языка и, наконец, — на самые важные черты языкового развития, но нигде не говорит о том, как связаны эти явления друг с другом.

С. Стоянов возражает и против отнесения так называемого среднеболгарского периода к староболгарскому, так как период XII—XV вв. отличается рядом фонетических, морфологических и синтаксических изменений, которые могут служить основанием для установления особого периода языкового развития.

Р. С. Газизов. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. — Казань, Татаргосиздат, 1952. 256 стр. (Ин-т языка, лит-ры и истории Казан. филиала АН СССР.)

Рецензируемая книга Р. С. Газизова представляет собой дополненное и в известной мере переработанное издание «Опыта систематической грамматики татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка» проф. М. Курбангалиева и Р. Газизова.

В книге значительно расширен круг рассматриваемых вопросов, особенно в части, касающейся тех явлений, которые оказываются специфическими для одного из сопоставляемых языков. Так, довольно обстоятельно освещены вопросы грамматического рода (стр. 31—35), согласования в роде (стр. 95 и др.), управления (стр. 44—93), глагольного вида (стр. 120—171) и отдельные структурные типы сложных предложений (стр. 193—217). В то же время автор изменил трактовку некоторых вопросов. Так, например, категория сослагательного наклонения, неверно рассматривавшаяся в старых изданиях как категория прошедшего времени (см. изд. 1931 г., стр. 113), в данной книге Р. С. Газизова получила правильное истолкование.

В книге в сравнительно-сопоставительном плане изучения русского и татарского языков дано много ценного в отношении уточнения различных форм глаголов и значений вспомогательных глаголов. Удачно разрешен вопрос о соответствиях в татарском языке русским частицам *не* и *ни*. Показано своеобразие обоих языков в построении и структуре предложений и пр.

Отдавая должную дань всем положительным моментам, имеющимся в книге, нужно, однако, сказать, что в ней есть также и очень много недостатков.

Решительное возражение вызывает то, что автор иногда считает возможным подходить к отдельным явлениям одного языка с точки зрения явлений другого. Так, опираясь на грамматическую природу русского соответствия татарской форме названия деятеля на *-чы* // *-че*, автор трактует последнюю как причастие настоящего времени (стр. 219, 224, 217). Очевидно тем же самым объясняется включение в число союзов и союзных слов глагольных форм *-ганда*, *-гач*, *-гач-та* (стр. 197), *-ганлыктан*, *-ганга курә* (стр. 202), *-мы* // *-ме*, *-а икән*, *-ган икән* (стр. 213), *-са да*, *-уга карамастан*, *-сын* // *-сен* (стр. 215) и т. п., выполняющих в придаточных предложениях функции, сходные с функциями, которые в русском языке осуществляются союзами и союзными словами.

При описании отдельных форм автор часто не считается с качественными изменениями в их содержании. Так, форма на *-макчы* // *-макче* давно осознана в татарском и других тюркских языках как форма для обозначения наклонения намерения и с сочетанием инфинитива на *-мак* // *-мак* с аффиксом деятеля на *-чы* // *-че* имеет только этимологическую связь. Тем не менее автор описывает ее и в плане современного языка как составную (стр. 120). Несмотря на то, что форма татарского инфинитива на *-рга* // *-ргә* порвала уже всякую связь с формой дательного падежа причастия на *-р* (к которой она восходит), автор рассматривает ее как причастие в дательном падеже применительно к современному состоянию языка (стр. 118—119). Отсутствием учета качественных изменений страдает также обзор аналитических форм с глаголом *иде* (стр. 166), обозначающих вполне самостоятельные грамматические категории (давно-прошедшее, прошедшее незаконченное, сослагательное наклонение).

Ознакомившись с предложенной автором схемой спряжения на стр. 115, можно подумывать, что он разделяет точку зрения И. И. Мещанинова на происхождение форм 1-го и 2-го лица в результате дифференциации первоначально диффузного 3-го лица.

Автор довольно часто путает грамматические категории: деепричастие на *-а* // *-й* — с причастием настоящего времени (стр. 119, 219), а название действия и *-сы* —